Лев Аннинский

«Горький умрет вместе с жизнью на Земле»

Невероятный диалог с самим с собой

Вот уж не думал, что мои школьные дневники через столько десятилетий попадут к моим читателям.

Вот они, дневники 1950 года.

9 сентября

Вчера прочел «На дне» и «Человека» Горького. Да-а-а. Это вообще нечто такое, к чему нельзя подходить критически, это тебя забирает в плен настолько, что теряешь все слова, остается только одно: всепокоряющая любовь Горького к людям. Кто в мире когда-нибудь так любил, так знал себе подобного — человека, так верил в него? Никто. Только Горький мог сквозь дымный смрад забитости и грязи, сквозь рваные лохмотья нищеты и униженности, сквозь твердую корку невежества и предрассудков чутким своим сердцем учуять, увидеть, нащупать, понять и полюбить самого Человека. Только он мог в этих повергнутых НА ДНО людях найти Правду. Всё в Человеке. И как бы людишки, случайно оказавшиеся наверху, ни оплевывали Его, Он победит, Он возьмет свое. И тогда горе тем, кто над ним насмехался! Горького не забудут никогда. Он глядел вперед так далеко, как далеко успеет зайти человечество, пока гибель не оборвет его шествие. Горький будет жить, пока люди будут в состоянии мыслить; Горький любит Человека, который переживет все и вся; Он — гигантское обобщение всего человечного!

5 октября

Вчера смотрел «Варвары» Горького в Малом театре.

У Горького сквозная мысль — о разложении личности в капиталистическом обществе. Здесь это разложение показано со стороны личности, со стороны человеческого характера, на примере самых сильных и ярких чувств человека к человеку. Тут люди и только люди, характеры, все остальное — фон. Но каждая душа показана так ярко!

Егор Черкун своей прямолинейностью, бесцеремонной грубостью напоминает поначалу даже Базарова. Сильный человек, выбившийся из крестьян в инженеры. Собственность и власть разъедают душу: человек кичится своей образованностью перед «дикарями» из уездного города, не скрывает своей распущенности, прикрывая ее показной и дутой прямолинейностью. И в конце концов перед нами — отталкивающая личность, и уже не личность, а самозабвенный и безотчетный воплощенный разврат.

А жена его, которой он помыкает? Гуманистка-интеллигентка с тонкими нервами и горячими чувствами, с аристократической брезгливостью к хамам и демократическим участием в нищих, — это же сама бесполезность, кукла в мантии богини, эгоистка, купающаяся в своих красивых (не спорю) и сильных чувствах к мужу, призывающая не пенять тупицам за тупость и все-таки в глаза называющая их животными. Прекрасный характер, искаженный жизнью, другая крайность, чем «крестьянин» Егор Черкун.

Лидия Павловна — это Анна Федоровна минус мягкотелость плюс мерзкий характер.

Богаевская — старая смесь двух вышеуказанных... Что-то от Раневской.

Цыганов — старый интеллигент типа Гаева, только поновей, — читывавший парижские журнальчики в молодости. Бывший весельчак, сгнивший от этой жизни.

Вот Редозубов — это «голова», это тип интересный. Грабя народ шестьдесят два года, так привык, так сросся с этим, что стал варваром-хранителем. Но приходит сила молодая, цепкая, варвары поумнее, и гибнет Василий Иванович Редозубов, гибнет духовно, если предположить, что этот зверь вообще мог жить духовно. Образ очень интересный и очень символичный: столкновение хищников разного калибра — свидетельство того, как страшны противоречия варварского мира. Редозубов — варвар и Черкун — варвар... кто прав?

Монахова. Первая жертва господского разврата, чистая русская душа, непосредственная в своем чувстве и пассивная в протесте. Что-то общее с Катериной.

Павлин. Старый сплетник на людях и старый лицемер наедине с собой. Ищет «правду», надеется разбавить и оправдать ею свою мерзость.

Дробязгин. Пижон и сутенер уездного масштаба.

Веселкина — Дробязгин в юбке.

Доктор Макаров. Видимо, человек честный, хороший, несчастная жертва царящей кругом безнравственности. Старается спасти Надежду для СЕБЯ, да при этом слеп от любви. Жаль, что старик, а то бы своротил горы! Глубоко несчастен, и его жальче всех: это все-таки луч света...

Монахов. Ничтожный хищник, мелкий плут и мошенник, сметаемый с пути новыми варварами.

Глубока и многогранна идея пьесы. Страшно воздействие на людей той жизни, где царит звериный закон борьбы за существование. Пошлость, подлость. И показано так ярко, как это мог сделать только Горький.

Постановка, игра актеров — просто прекрасны.

Вечером Костя спросил, как мне «Варвары». Получив восторженный ответ, поинтересовался, почему же я не воплю о своих впечатлениях на каждом перекрестке, как я делаю это после просмотра какой-нибудь «Железной маски».

— «Железная маска»?.. Но ведь это же... по меньше мере вещь несерьезная. А Горький... Ну, что о нем разглагольствовать! Видишь ли, Костя, мне некогда было разговаривать об этой вещи — я о ней думал.

— Вот-вот! — закричал он, — я так и ждал от тебя такого ответа! О Горьком нельзя трепаться, его можно только прочувствовать, его нельзя пересказать «запросто», о нем только и можно — думать. Да! Легко любить человека, когда ты сыт, а ты сумей полюбить его, когда он нищ! А вот Горький сумел. Он один и сумел. Такая сила! Так знает человека! Гений!

Я согласился: он прав!

28 октября

Вечером поехал в филиал МХАТа на спектакль «Мещане». Пока нашел этот филиал, два раза заблудился и сочинил стихи, которые, видимо, буду читать четвертого ноября на школьном вечере. В театре были Павел Ефимович с женой, Евгения

Михайловна с Петром Иванычем и несколько ребят из класса. Было весело, несмотря на то, что я не люблю встречать учителей вне школы.

О пьесе Горького говорить не проходится: сильна. И играют актеры хорошо, в том числе молодые, малоизвестные. В пьесе потрясающи финалы: первый — спокойный, житейский», второй — полный силы, третий — потрясающий по драматизму, и наконец, последний — неповторимый финал...

С какой силой развит и раскрыт вопрос о мещанстве! И какая мысль! В жизни, в жизни спасение от этой чумы, а не в запирательстве от жизни; мещанство боится жизни: жизнь бьет его и срывает с него маску. А образы! Фигуры! Характеры!

Я пришел домой совершенно потрясенный, хотя после «Варваров» приготовился ждать от Горького всего прекрасного и неповторимого.

Да, Горький... Уму трудно вместить эту гигантскую фигуру.

...Десятый класс, впереди — московский университет. И неуемные сомнения. Куда подавать? В Строгановское училище, куда тащит меня страсть к рисованию, впрочем, скорей к карикатурам на близких: учителей и однокашников? Или Филфак — судьба моя, ведь Белинский и Пушкин уже прочитаны? И вопрос решается так: МГУ.

Прокомментирую написанное тогда выпускником школы.

Главный мой герой — Максим Горький. Читан и по программе, и по наитию.

«Варвары» и «Мещане» усвоены. Не как обличаемые купцы-захребетники, а как чемпионы успеха. Зрительский эффект!

Дальше — потрясение от «Песни о Буревестнике».

Еще — магия детства. И все, что «В людях».

И там же — прикованность к откровениям, впервые увиденным «На дне».

А где-то впереди, в финале университета — пленительная «Жизнь Клима Самгина». Дипломное сочинение и магия на всю жизнь.

Стал для меня Максим Горький великим исповедником неведомого и неисчерпаемого человечества. Собираю кусочки школьного дневника и убеждаюсь еще и еще раз: великие писатели — при нас! Навсегда. Как и мы, зрители.